

НОЧЛ ЕГ В СЕВЕЖЕ

(рассказ)

"Лада, ха-ха! .."

(народная песня)

Примчался я во-время, на пять минут позже, чем следовало. Разворачиваю клеенчатую папку, вижу- все бумаги на месте, просматриваю наряд: питание- там-то, экскурсия- туда-то, ночлег- в Себеже. Растворяю скопившуюся публику (кто только ее пустил сюда), где, говорю, этот Себеж, где мой ночлег, где пристают?

Меня категорически просят покинуть помещение для диспетчера, не беспокоить занятого человека, вот освободится диспетчер, тогда разберется. Я тотчас понимаю, что сам он не знает, где этот Себеж.

К счастью, нашелся один опытный человек, отвел меня в сторону, под лестницу, объяснил. Ехать от Пскова километров сто по Киевскому шоссе мимо Новгородки на Опочку, часа через полтора после Новгородки- железнодорожный переезд, потом направо и там уже недалеко.

Вхожу в автобус, вижу, что в автобусе у дверей-кассы: бросай свою пять копеек, рви билет; удобств нет, вешалок нет, откидных спинок- как не бывало. Мысленно проклиная автобусный парк.

Сидят туристы, впрочем молча, не ропщут. Я- к микрофону, а ко мне довольно-таки пожилая женщина.

- Нас,- говорит,- не тридцать, а тридцать один. Так что мы все вместе и решили ехать.

- Как,- говорю,- тридцать один? Вы меня с работы хотите уволить, что ли? А проверка? А контроль? А ответ держать? И не думайте,- говорю,- пусть тридцать первый покидает.

- Хорошо, говорит,- уже покинул.

Я, озабоченный, себе место отбиваю, туристов гоню, попутно достопримечательности указываю, направо и налево. Уже едем, то-есть.

Конечно, предварительно я их пересчитал для верности два раза: действительно, тридцать. Только не заметил я тогда, не обратил своего внимания, что перегородка возле задней двери пальто ихними закидана, ну, и за перегородку не заглянул.

Сижу, веду экскурсию. Посмотрите, говорю, направо, что это там мы видим? Вдруг подарок: ведет мне второй водитель сзади, из-за перегородки женщину средних лет, в очках, губы накрашены, скорбно опущены книзу.

- Вот,- говорит,- тебе попутчица, тридцать первый пассажир, развлекайтесь беседой.

А у водителей, к слову сказать, у обоих шляпы на гла-

зах, плохонькие, но одинаковые.

Я экскурсию прервал, женщину к окну пропустил. Куда мне ее, негодяйку девать, куда от контроля спрятать?

Только она уселилась, огляделась и указывает.

- У меня,- говорит,- к вам замечание. Вы употребляете словечки "так сказать" и "вот". А эти словечки- сорняки, засоряющие нашу речь.

Посмотрел я на нее искоса, и откашлялся. Нервничаю.

Она исподволь, пытливо так, начинает меня расспрашивать.

- Ах,- говорит,- по профессии вы филолог. Не понимаю, как мужчины могут этой ерундой заниматься. Это ведь,- говорит,- должно быть увлечение, порыв, страсть души, пригодная лишь для досуга. Еще я понимаю Ираклия Андронникова, это, действительно, филолог и всесторонний человек. Но, вы,- говорит... и махнула рукой.

Я опять откашиваюсь, смотрю по сторонам: поля идут снежные, сугробные, леса, и, как говорится, перелески.

- Вот вы,- продолжает моя соседка,- кроме этой экскурсии, какие еще темы можете рассказать?

- Никаких,- говорю,- не могу, я и эту-то едва знаю.

- Так зачем же вы университет тогда кончали, если у вас отдачи никакой? Меняйте, говорит, немедленно профессию.

- Ну, ладно,- говорю,- а ваша какая профессия, чем вы-то занимаетесь?

- Я вообще работаю инженером, но особенно люблю путешествовать, знакомиться с новыми местами. Недавно я прочитала мемуары Чарльза Чаплина.

- Кого?- спрашиваю.

- Чарльз Чаплина. А вообще по секрету вам сообщу, что на самом деле я дочь директора. Так что вы,- говорит,- меня не компрометируйте, а то я на вас отзыв напишу, и все остальные сослуживцы ко мне присоединятся.

Посмотрел я на нее тусклым взглядом, что, думаю, с тебя взять. Молчу. Дрожу внутренней дрожью.

В Пскове поломались мы на сорок пять минут, потом победали, не скажу даже чем, сели, едем в Себеж.

После обеда мои туристы оживились. Обслуживание ваше, говорят, оставляет желать много лучшего. Ваша речь, действительно, полна словечек, засоряющих нашу правдивую речь. Пальто негде повесить. Ночевать еще нескоро, а спать уже хочется. Вообще все очень и очень плохо и утомительно.

- А ваше,- отвечаю,- какое производство, что вы выпускаете?

- Мы,- говорят,- делаем электробритвы и пылесосы.

- Ну, и молчите об обслуживании, раз это вы их выпускаете. А то, говорю, я вам опишу, как я однажды вашей бритвой брился и чуть до слез себя не довел. Волос до крови повыдирал.

- Верно,- говорят,- снимаем свои претензии.

И действительно, притихли, заснули, что ли.

Уже темнеть стало. Деревеньки за окном чуть видны, леса хвойные нависли, поля ветром насквозь продувает, луна из-за клоchkоватой разлезной тучки выглядывает.

Тут моя соседка-собеседница устраивается в кресле поудобнее, упирается мягким местом мне в бок и приклоняет голову к окну.

Первое время вроде даже теплее стало, терплю, потом

вижу, что сползаю на край и повисаю над пропастью. Я осторожно-осторожно ее обратно, к окну начинаю отодвигать. А точки опоры-то нет, не то что у нее!

Опять мои туристы оживились, не скрывают своего возмущения. Через полтора часа, говорю, будем на месте, в Себеже. А сам в окно выглядываю: скоро ли переезд железнодорожный, смотрю.

Соседка моя проснулась, глядит на меня сонными глазами с определенным выражением: об отзыве, дескать, не забывай, с кем рядом сидишь, помни, не компрометируй, не напирай.

Не выдержал я и говорю ей решительно:

- Давайте меняться местами, меня к окну пустите, я экскурсовод.

Подчинилась.

Загромыхало под колесами: переезд железнодорожный проезжаем.

- Ну, граждане, теперь километров семь-восемь, и на боковую.

- Как же,- возражают мне,- семь-восемь, когда вот он указатель: "Себеж-57 км." Как вы это объясните?

Молчу, ничего не объясняю, задумался. А я, заметьте, человек нервный.

Не прошло и часа, как среди леса огоньки замелькали-Себеж. Остановились на распутье- думаем, куда поворачивать.

К счастью, выкатывает из-за поворота другой автобус-местный.

- Где,- говорю,- гостиница, куда повернуть, направо или налево?

- Налево,- отвечает,- повернете, доедете до памятника Ленину, опять налево повернете и тут-то и увидите комфортабельные огни. Это будет гостиница.

- После Ленина сразу налево?

- Налево,- говорит.

Приехали. Как размешались, как возмущенную старуху устраивали, как мужчин от женщин отделяли, рассказывать не буду, времени много займет, да и от основной линии уйдет в сторону.

Угомонил я их всех, наконец, забрался в постель у себя в номере, скрылся от сквозняков оконных, штепсель на свежеотшукатуренной стене выключил. Подъем туристам назначил на пять часов- двести километров назад ехать- не шутка. Спите, думаю, ~~жизни~~ спокойно.

Но нет.

- Под железный звон кольчуги, под железный звон кольчуги...,- слышу за стеной.

Потом: Ха-ха-ха!

Потом: Лада!

Потом: Ха! Ха!

Словно там уже всех женщин до смерти защекотали. Такое веселье, что объяснения ему нет и быть не может. Ну, потом, "Черемшину", как водится, исполнили, кое-что из цыганского репертуара, потом вдруг как обухом по затылку опять:

- Лада! Ха! Ха!

Постепенно я засыпал.

Тихим стуком разбудила меня утром дежурная. Оделся

я устало, печально, вышел на улицу. Темно, пустынно. Пошел себе по улице вверх, посмотрю, думаю, где автобус. Вода невдалеке плещется. Дома двухэтажные вокруг. Смотрю: возле меня памятник, бюст. Подошел поближе— Николай Васильевич Гоголь. Вокруг него зеленые посадки, тоненькие деревья на морозе стынут. Волосы у него на лоб упали, улыбка, такая, знаете ли, скрытная...

Посмотрел я на часы: половина шестого. Где автобус, что за проклятье на мою голову? Через десять минут выезжает. Водители, оказывается, воды не могли найти. На обеих шляпах, сами худощавые, энергичные.

Выехали из Себежа, развилку проскочили и решительно въяли влево на проселок.

— Эй,— замечаю,— сюда ведь ехали по правой дороге!

— Здесь,— отвечают,— на сорок километров короче. Мы, говорят, через Опочку ехали, а теперь через Пустошку махнем.

А места-то вокруг глухие. Лес сосновый начался. Хорошо еще, что телеграфные столбы сбоку, а то вообще ни признака жизни.

Дорога узкая, неширокая, лес сумрачный, суровый, а жилья вокруг— на сорок километров ни домика. Не дай господи шестеренке соскочить или короборатору заклинить.

Едем полчаса, час. Лес безмолвный, бездушный, чудесный.

Потом дорога раздвоилась. Опять берем влево. Холмы пошли, овраги, карьеры. Смотрим— впереди два-три огонька. Чернеет что-то. Ближе подъехали: высокая башня-бетономешалка, другие подобающие строения— все пусто, черно. Только

одно окошко теплится. Спрятал я на мерзлую землю, захлопнул дверь, засунул руки в карманы, подхожу к окну.

Сторожка. Чайник на столе. Потолок невысокий. И прикрепившись прочно к потолку домашними туфлями, висит вниз головой старушка, в теплых носках, в платочке,, головой вниз. К ней с пола, от шерстяного клубка синяя ниточка тянется- старушка вяжет чулок. Чайник на столе кипит.

Опустила она на меня набрякшие свои малиновые веки, посмотрела, посмотрела и сказала что-то неразборчивое.

Я махнул рукой, вернулся в автобус, возвращаться, говорю, надо.

- Нет,- отвечают мне водители,- надо было еще левей взять, вот в чем наша ошибка.

Взяли левей. Опять лес шумит, трясет своими лапами. И вдруг, в самой чаще, где ни души человеческой нет, и быть не может, выбегает из лесу собачонка на коротеньких таких лапах, что ей дорогу перебежать- пять минут надо, и перебирая лапками, не спеша- на другую сторону дороги. Автобус гудит, скрежещет.

Едва успели затормозить перед желтым ее хвостом. Она тявкнула, скок- и как не бывало ее в чаще. Побежала волков кормить, думаю.

Через десять километров- опять огонек. Гляжу: железно-дорожный переезд. Проехали под шлагбаумом, остановились- надо дорогу спросить.

Спрятал я, возвращаясь к переезду, смотрю: нечисто тут.

Переезд, шлагбаум, будка, все честь честью, а дорога-

то железная, через которую переезд- где она? Нет дороги. Лес один кругом. Да пруд небольшой заплесневелый возве. У шлагбаума будочник усатый стоит, ручку крутит. Только я собрался у него про Опочку спросить, смотрю: опять нечисто. В усах у старика длинная буро-зеленая водоросль застрияла. Посмотрел на меня старик прозрачными глазами, заморгал, потом повернулся и пошел, прихрамывая, к пруду. Руки сложил лодочкой, булых, нырнул. Подбежал я к воде, вижу: изгибаясь, уходит мой старик все глубже и глубже, вот до дна достал, поковырял руками водоросли, нашел нору, раз-два, и спрятался в норе, водоросли только колеблются. По воде рябь побежала.

- Надо возвращаться,- говорю водителю.

Какое там! Только на педали нажимает.

Не проехали и пятнадцать минут: перекресток темный лесной. На перекрестке старуха стоит с сумкой, в сумке-гусь. Как попала в чашу- неизвестно.

- Где тут дорога на Толокно?- спрашиваем.

- А вот она,- старуха указывает налево.

- А сама-то ты как сюда попала?- поинтересовались.

- А я и сама оттуда,- говорит,- я на велосипеде.

И засмеялась. А велосипеда-то куда ни посмотрим, ни направо, ни налево, не видно вокруг. Ну, думаю, старушка, не иначе на гусе прилетела, держась за его красные лапки.

Водитель надвинул шляпу свою на глаза- повернули влево.

Вдруг среди деревьев мелькнула фигура- что за черт!- девушка в норковой шубке, на каблуках, вся сверкающая, розовая, белая, черноволосая, а лицо все залито слезами.

- Садись,- говорим,- подвезем.

- Нет,- отвечает,- спасибо, мне недалеко.

И так вдруг засмеялась увлекательно, что вы мне не поверите. И прямо в чащу на каблучках побежала.

Лес постепенно кончился, начались холмы полутемные. На самом высоком холмѣ дом большой, весь светится, вокруг ни души.

Выбрался я из автобуса, через сугробы пробрался к крыльцу кое-как, смотрю- у дверей надпись "Горсовет". Какой тут горсовет, когда оглянешься- вокруг одни холмы да деревья? Дверь дернула- заперта. По пояс в снегу пробрался к окну- вижу: кабинет председателя. Сидит за зеленым столом седой человек, перед ним громадное белое полотно. Человек с иглой в руках, вышивает по полотну. На полотне, на белом фоне- огромная красная роза распускается под умелыми руками председателя. Сбоку, вижу, секретарь стоит, председателю голову чем-то блестящим посыпает: то ли слюда, то ли сахар, не поймешь.

Я через сугроб- к другому окну, смотрю, там пир, общественная вечеринка. Сидят люди вокруг стола и на спицу для бумаг бутерброда накалывают сначала с колбасой, потом с сыром, потом опять с колбасой.

Другие свернули себе бумажные кульки и разливают в них масло-олифу из бутылки с узким горлышком.

Отвернулся я и- обратно к автобусу.

- Ну что?- спрашивают водители.

- Верно едем,- говорю и ничего им не рассказываю.

И действительно, смотрим- впереди город: большие дома

и, заметьте сами, в каждом окне горит свет. На улицах полно пьяных. Заметьте, темень на дворе, только просыпается на востоке. Все магазины работают. Народу в них много. На главной площади, смотрим: шашлычная. В шашлычной люди сидят, вино пьют. Вокруг официантки бегают. Отметим, раннее утро, темно еще.

На остановке автобусной- громадная толпа народа. Стоят, ждут.

- Верно ли на Толокно едем?- спрашиваем из окна.

- Верно-то верно,- говорит нам старишок с палочкой, но как-то скучно так говорит.

- Садись, старишок, подвезем, нам дорогу покажешь.

- Нет,- категорически нам он отвечает.- Мне в противоположную сторону.

- Эй,- кричит водитель,- с кем нам по пути?

- А им всем в противоположную сторону, всем туда,- говорит старишок и машет рукой в направлении, откуда мы приехали. Что им там надо?

Пришлось дальше двигаться в одиночестве. Впрочем вскоре опять леса начались.

Щебенка под колесами хрустит, двигатель сзади пыхтит с перебоями. Вдруг что за нечисть: заскрипели тормоза, остановился автобус- стоп.

Водитель сдвинул шляпу на затылок, одну ручку на себя, другую на себя- ничего. Он начал кнопки нажимать, одну нажал, вторую- опять ничего.

- Не идет дальше автобус.

Выглянул я в окно: деревца кой-какие на ветру трепещут